

ГУЛКИЙ ХЕТ-ТРИК НА СЕНТИМЕНТАЛЬНОЙ ПРОГУЛКЕ

Ему хватило лишь прогуляться «по волне моей памяти», чтобы стремительно вознестись на Олимп, где (судя по конверту той незабываемой тухмановской пластинки) его ждала богиня мудрости, покровительница музыкантов и поэтов, а значит, ждали слава и успех... Но дело происходило не в мифах Древней Греции, а в яви музыкального Олимпа советской эстрады.

Тогда, лет восемнадцать назад, Сережа Беликов, молодой музыкант с танцверанды подмосковного Красногорска, приглашенный в «ленкомовскую» рок-группу «Аракс» для воплощения театральных фантазий Марка Захарова, был ангажирован Давидом Тухмановым на запись пластинки «По волне моей памяти». Для нашей эстрады она стала своего рода битловским «Сержантом Пеппером», опередившим свое время. Нынче у нас другие времена, но и в них также не нашлось места ни для Тухманова (как ему там, в Германии?), ни для его детища (другие кружатся диски). Но по волне моей памяти все еще качается та самая

«Сентиментальная прогулка»

— Серега спел гениально! — вспоминал один из известных музыкантов. — Не голос, а бриллиант чистой воды. После «прогулки» он мог бы уже не петь... Уж больно нелепо для звезды потом всё у него сложилось. В чем? То он сам виноват, конечно. А в остальном...

А в остальном, как пелось в той песне, «среди нас плакучих тая, вставал туман...».

— В конце восьмидесятого я ушел из «Аракса», — вспоминает Сергей. — Находясь на самом гребне своей популярности, группа вдруг занялась антуражными разборками, что, вообще-то, весьма характерно для нашей эстрады. Ну а результатом конфликта был мой уход и полный разрыв с коллективом...

Он уходил уже звездой, которая умела не только капризничать. И подтверждением тому было его участие в таких серьезных работах, как рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты», популярный альбом «Колокол тревоги». Да вот только своего колокола тревоги он не слышал. Будущая карьера ему виделась продолжением той «сентиментальной прогулки», блестящей, расцвеченной лучами славы, да и название ансамбля, в который он уходил, тоже казалось символическим —

«Самоцветы»

— Странная это история в моем пути. «Самоцветы» оказались ловушкой, хитрым капканом, в который я угодил по своей воле. Они отняли у меня гораздо больше, чем дали. На определенном этапе я стал у них своеобразной приманкой. И зрители, а главное, пресса охотно клюнули на нее, расхваливая на все лады нового солиста. Но именно эти дифирамбы меня чуть не погубили. Получалось, что без Беликова «Самоцветы» уже не самоцветы, а блеклые минералы. Это, понятно, не входило в планы Юрия Маликова, и меня стали «подраивать» под общую гребенку. Что и говорить, переживал, конечно. К тому же и в личной жизни в ту пору у меня были не самые веселые времена. В общем, я снова решил уйти...

Он уходил уже не звездой, а усталым музыкантом, успевшим не столько погреться в лучах славы, сколько отпить из чаши обид. Но кто виноват, если он ее выбрал себе сам? Если он вынес из этой «прогулки» только багаж потерь? А расплатой за нее стала сбывшаяся фраза

«Я шел, печаль свою сопровождая...»

— И снова началось все начинать с нуля и опять доказывать (кому?), что моя звезда не погасла. Хорошо помню, как в тот момент многие «вчерашние друзья-попутчики» от меня отделились, решив, что им со мной не по пути. Они посчитали, что «песня Беликова спета» и ставку надо делать на кого-то другого... Пройдет время — я снова буду на коне, и тогда они снова обо мне вспомнят и снова будут мне улыбаться...

Тогда, в 85-м, улыбок не было. Были усмешки. Начинать сольную карьеру звезде, сорвавшейся с небосклона и при этом взвалившей на себя нелегкий груз административных и организационных проблем, — сродни сизифовым стараниям. Но в отличие от героя древнего мифа природа наделила Беликова не только упрямым характером, но еще талантом и голосом. За год работы им было записано около восьми песен на музыку Вячеслава Добрынина, каждая из которых стала хитом. «Живи, родник», «Удивленный человек», «Моя гитара»... С новым успехом появились старые «друзья», которые «ни на минуту не сомневались в Серегине таланте». А еще через год то ли на радость, то ли на беду «выстрелил» еще один его хит

«Снится мне деревня»

— Сколько же было о ней разговоров! Впрочем, они и по сей день не утихают. Для меня же это была одна из многих моих песен. Пусть наделавшая шуму, но все же одна из многих. Были у меня десятки шлягеров и до и после «деревни». Другое дело, что слушатель выбрал именно ее (пять лет назад я видел перед собой стадионы, на которые люди приходили ради этой песни), но я отнюдь не считаю тот хит вершиной своего творчества. Тогда почему же мне так старательно пытаются приклеить ярлык «деревенского певца»? Почему люди типа Вани Демидова из «Музобоза» с издевкой говорят о Беликове как о «большом любителе деревни»?

Причину я вижу в одном. Такое неприглядное явление современной эстрады, как фонограммная индустрия, развязала руки многим дельцам, научившимся выпекать дутых «звезд» и греть на них руки. Ведь у новоявленных «светил эстрады» и в переносном и в прямом смысле нет своего голоса, а потому они всецело принадлежат своим хозяевам. К тому же, они не несут профессиональной ответственности — за них все делает магнитофон. Но для того чтобы эти «звезды» заняли место на небосклоне, его надо расчистить. Вот этим и занимаются участники шоу-бизнеса.

Я же всегда со своими взлетами и падениями оставался самим собой, имел свой голос и никому, кроме себя, не принадлежал. Может быть, поэтому мой явный коммерческий успех конца восьмидесятых для меня не остался безнаказанным. Но тем, кто меня топил, заявляя, что «деревенский певец» дескать, не тянет до той или иной новоявленной «звезды», самим хорошо известно, что с тем «кислородом», какой был оставлен мне, эти «звезды» вообще бы задохнулись. А я пою...

«Петь в России, конечно, сложно,

и чего же об этом спорить?» — так поется в одной из его новых песен. Правда, вот на эту тему как раз никто и не спорит. Наоборот, в России сложно не петь, когда все кругом поют. Или подпевают И. неважно, что сегодня — одно, завтра — другое. И неважно, под чью фонограмму открываются рты. Главное, как гласит поговорка, в другом: «Будет песня — будет и хлеб!». Но в самой «хлебной» песне нет ничего плохого, если есть свой голос. У Беликова он есть. Так о чем спорить, и за чем кому-то что-то доказывать?

А он и не спорит. Иногда только испытывает странное чувство, как, например, после памятного первомайского футбольного матча эстрадных звезд России и Италии, героем которого он стал. Тогда ему, забывшему все три мяча в ворота итальянцев, на следующий день в черед многочисленных поздравлений один из известных людей эстрадного мира сказал: «Серега, вчера ты снял все вопросы!».

Но неужели так необходимо было футбольное «1 Мая», чтобы показать, чего ты стоишь в этой жизни? Наверное, необходимо. Для «друзей и поклонников», мгновенно окруживших его в очередной раз, для бойких репортеров, клонувших на его спортивные достижения, да мало ли еще для кого?..

Для меня же достаточно «Сентиментальной прогулки» на старой тухмановской пластинке, которую уже нигде не купишь.

Александр ВУЛЫХ.